

ДВОЕ ИЗ ОДНОГО ТЕАТРА

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ,
ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

ПЕРЕД встречей я уже знал, как тесно связана судьба Верещагина с Винницким музыкально-драматическим театром имени Садовского, Шутка ли — четверть века в одном театре! И груз на нем тяжкий — он и директор, и главный режиссер. И пришел сюда не на готовенькое: взорванное и сожженное гитлеровцами здание театра обугленной раной чернело в центре города. Надо было по кирпичику собирать, строить, надо было сколачивать новый коллектив. А потом пошли будни...

В кабинете Федора Григорьевича не очень тепло. Крупный, широкоплечий, он жадно курит сигарету за сигаретой. Косматые брови смыкаются, часто меняется выражение глаз, меняется интонация — он увлечен рассказом. Не так-то просто оказалось перекинуть мост из сегодняшнего дня в прошлое, в войну. И почти невозможно заставить Верещагина рассказывать о себе.

— Вот був у нас на фронте баянист Саша Важин! А отец Костя Шилов! Прямым попаданием его вбыло...

Федор Григорьевич перемежает украинские и русские слова, очевидно, желая помочь мне. Мы беседуем два или три часа. И опять он говорит о товарищах и как бы «забывает» о себе.

Наконец, мы условливаемся, что он даст мне свой фронтовой архив — документы, письма, фото, выписки из приказов, вырезки из армейских газет. Это спрессованная память войны, это, как сказал поэт, «пороховые погребки... воспоминаний».

Первый же документ — дата призыва в армию — дает ниточку к рассказу о фронтовой судьбе Верещагина. Он был призван 23 июня 1941 года.

В ночь на 22 июня гитлеровцы бомбили Киев. В ту ночь Федор Верещагин не спал — он готовился к последнему экзамену в театральном институте.

Утром Верещагин пришел в военкомат с заявлением: «Хочу защищать Родину, прошу направить...».

Война с первых месяцев обрушила на Верещагина самое тяжелое испытание — окружение. Спасаясь от гитлеровцев, с группой товарищей он забрался в заросли ивылка на болоте. Пять, десять, пятнадцать часов в болотной жиже. Сводило ноги, ломило руки. А дорога на Чернигов, по которой двигались фашисты, — рядом. Закашляешься — услышат.

Верещагин выбрался из окружения. Его назначили начальником и художественным руководи-

телем красноармейского эстрадного театра 21-й армии.

Я читаю солдатские письма той поры. Едва различимы буквы, написанные карандашом. Мне, как и любому фронтовику, легко представить лица солдат, которых отдают от боя считанные минуты. И они отдают эти минуты, чтобы написать слова благодарности артистам.

В одном отзыве сказано: «Мы потрясены представлением «Случай в разведке». Мы отомстим врагу!».

— Расскажите об этом подробнее, — прошу я Федора Григорьевича.

На сей раз он не упирается... Кто не знает, как трудно было с репертуаром в начале войны. Верещагин в своем эстрадном театре поставил небольшую пьесу «Случай в разведке». Родилась пьеса из газетного материала. Сюжет незамысловатый — разведчик в тылу врага попадает в руки гестаповцев. Его пытается выручить советская девушка. А гестаповский офицер пытается ее, пытается его. Попытки чудовищны, но наши люди непреклонны.

Нетрудно восстановить обстановку, в которой проходило выступление театра. Торчали трубы сожженного села. Сцена — кузова двух полуторок с откинутыми бортами. Офицер-эсэсовец раскаляет железо, чтобы пытать разведчика.

И вдруг крик. Вскрывают несколько солдат. Оказываются, один из них под воздействием спектакля забыл, что это представление, вскинул винтовку, чтобы убить злодея-эсэсовца...

Глаза Федора Григорьевича теплеют. После войны он поставил в Винницком театре сто спектаклей, стал народным артистом Украины, но, пожалуй, ничто не сравнится с той силой воздействия на зрителя, которая проявилась в незабываемой сценке из наскоро написанной пьесы «Случай в разведке».

— Эх, — вздыхает Верещагин, — грим мы разогрели спичками. Застывал. Декораций у нас не было, в двух шагах от нас — обгорелые трубы. И прямо после спектакля бойцы уходили в бой. Такого по теории режиссуры мы не изучали...

Нашей беседе, кажется, не будет конца. Однако Верещагин смотрит на часы, извиняется: у него работа, прием декораций к новому спектаклю. А я еще долгу «брожу» по дорогам его фронтовой юности — лисаю архив.

Внимание мое привлекает письмо жителей села Верхне-Ольшанское — Маслова, Орлова, Тепловой. Из их села только что вышли фашисты. Перед селянами выступили верещагинцы. И вот слова благодарности, адресованные артистам: «Спасибо, родные».

ВНЕШНЕ Дмитрий Алексеевич Немченко казался прямой противоположностью Федору Григорьевичу: худощавый, медлительный, с голубыми, застенчивыми глазами, немногословный. И все-таки он чем-то был сродни Верещагину. Я не сразу понял, чем именно. Догадался потом — одержимостью. Дмитрий Алексеевич заведует музыкальной частью театра.

Хрупкая, кажущаяся изнеженной, фигура его плохо вяжется с боевой биографией. Но, как говорят, из песни слова не выкинешь. Воевал. И как воевал! Не случайно о нем — о солдате, дирижере военного оркестра — рассказано в книге «Музыка на фронтах Великой Отечественной войны».

В судьбе Немченко музыкант и солдат неотделимы.

...На участке, где предстояло наступать нашим войнам, долго не удавалось засечь вражеские багарей.

Оркестр, руководимый Немченко, под покровом вечера пробрался в окопы переднего края. Двести метров отделили наши траншеи от немецких. Установилась тишина. Противник обычно в эту пору отдыхал, освещая свой участок ракетами.

И вдруг полуночная ташина вздрогнула: во всю свою мощь грянул военный оркестр. Гремели трубы, ударник не жалел сил.

Над изрытой снарядами землей, над змеящими колючей проволокой, над траншеями и блиндажами гремела медь оркестра. Звук маршей, взорвав тишину, возносился над передним краем. Что-то возбуждающе-тревожное было в этом необычном прибое звуков, который все нарастал, сливался с песнями солдат, оглашал округу.

И противник не выдержал. Заговорили из укрытий орудия. Одна, вторая, третья вспышка. Этого-то и ждали наши разведчики: багарей были засечены...

— В нашей части помощником начальника политотдела по комсомолу был Иван Туркенич. — Немченко взглянул на меня, пы-

таясь определить, вспомнил ли я эту фамилию, и на всякий случай разъяснил: один из руководителей «Молодой гвардии» в Краснодаре, Фадеев о нем писал.

Так вот Туркенич комсомольские билеты бойцам вручал только в окопах. Он любил шутливо повторять: «Поближе к первоисточнику».

Вот и я привык к мысли, что военные оркестры не для одних парадов существуют...

Тут бы Дмитрию Алексеевичу продолжить рассказ, но он замолчал, нахохлился. По глазам его — доверчиво-простодушным и добрым — я понял: сказал все, что хотел.

Что ж, верная мысль: военные оркестры не только для парадов. Кто участвовал в освобождении Тернополя, тот видел, знает, никогда не забудет: медные трубы трубили победу не до и не после боя — в бою!

Нелепо громоздились вздыбленные руины Тернополя. Гитлеровцы превратили дома в крепости. Из всех окон, с чердаков и подвалов хлестал пулеметный дождь. Ухали пушки, и эхо неслось над полумертвым городом.

Ранним апрельским утром на позиции, где стояли дивизионные пушки, появились двенадцать музыкантов во главе с Немченко. Поначалу это казалось невыносимым: среди дымящихся руин, укравшихся за каменной стеной, оркестр играл военные марши. Молодой голубоглазый солдат дирижировал с яростным упоением. Музыка слилась с грохотом боя.

Когда вышел из строя расчет одного из орудий, Немченко и баянист Евгений Проценко сменили раненых.

В разгар войны Немченко написал на слова своего однополчанина — ныне известного на Львовщине поэта Николая Романченко — музыку. Так появилась «Песня о нашей части». Ее пели все — от молодого солдата до генерала.

В Польше Дмитрий Алексеевич записал песни узников Освенцима; в Венгрии — песни девушек, угнанных в неволю; в Австрии играл нашим солдатам и жителям Вены вальсы Штрауса.

Я РАССКАЗАЛ о судьбах двух скромных тружеников, опаленных грозой войны. Мы расстались в Виннице, но я часто вспоминаю их. И почему-то всегда представляю Федора Григорьевича Верещагина спешащим на очередную репетицию. А Дмитрия Алексеевича Немченко вижу в сосредоточенной позе. Полусогнутые пальцы его готовы коснуться клавиш. Наверное, новая мелодия вот-вот зазвучит, и в ней будет жить та взволнованность и сила, которой щедро одарена душа автора.

Юрий ЧЕРНОВ.
ВИННИЦА — МОСКВА.

СВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
МОСКВА

25 АПР 1970